

КАТЯ
КЕКС

В ЕГО
ВЛАСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЯРЫЙ

МОЕЙ БУДЕШЬ, ДЕТКА

Катя Кекс

Ярый. Моей будешь, детка

«Автор»

2026

Кекс К.

Ярый. Моей будешь, детка / К. Кекс — «Автор», 2026

Меня трудно удивить. Я видел слишком много грязи, чтобы ещё верить в случайности. Но в ту ночь в контейнере я нахожу её. Связанную. С глазами, в которых страха меньше, чем упрямства. Она не из моего мира. Она учит детей, держит слово и до последнего думает не о себе. И именно поэтому я понимаю сразу: тот, кто тронул её, уже покойник. Просто пока ещё не знает об этом. Я вытащу её. Закрою собой. Выжгу всё, что тянется к ней из тени. Только вот она боится меня не меньше, чем тех, от кого я её спасаю. И чем ближе я к ней, тем яснее понимаю — назад дороги уже не будет.

Содержание

глава 1	5
Глава 2	8
Визуалы	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Катя Кекс

Ярый. Моей будешь, детка

глава 1

Первый вечер за две недели, который не принадлежит порту.

Не диспетчерам с сорванными голосами, не крановщикам, вечно живущим на грани косяка, не чужой жадности, которую я с утра до ночи упаковываю в маршруты, цифры и железную дисциплину. Первый вечер, когда мне не нужно лично вдыхать этот воздух — солёный, ржавый, тяжёлый от солянки и чёрной воды залива.

Я люблю порт. Люблю его как любят вещь, которая давно перестаёт быть вещью и становится продолжением нервной системы.

Его прожорливость.

Его шум.

Его бессонный хребет из бетона, металла и денег.

Он требует много, но и даёт немало: власть, ритм, право решать, кто пройдёт, а кто упрётся лбом в закрытый шлагбаум и поймёт, что мир устроен не в его пользу.

Но сегодня я не собираюсь ничего решать.

В «Ауруме» всё выверено до грамма, до люкса, до температуры воздуха. Свет мягкий, дорогой, из тех, что не льстит, а редактирует реальность. Тишина не пустая, а купленная за большие деньги. Лица вокруг знакомые, гладкие, благополучные ровно настолько, чтобы непосвящённый никогда не догадался, сколько грязи проходит через эти руки прежде, чем на них застёгиваются швейцарские часы.

Я сижу глубоко в диване, вытянув ноги, и медленно прокатываю во рту виски.

Без льда.

Без содовой.

Без всего, что делает мужика мягче, чем он хочет казаться.

Хороший алкоголь не терпит суеты. Как власть. Как страх. Как я.

Я прихожу сюда не за компанией. Сразу говорю администратору: никого ко мне не сажать. Ни партнёров, ни просителей, ни старых знакомых, которые внезапно вспоминают о дружбе, когда им нужно решить вопрос. У меня редкий вечер, когда я хочу тишины. Не людей. Не разговоров. Не торговли вежливостью.

Просто паузу между одним дерьмом и следующим.

Телефон в кармане оживает резкой вибрацией.

Я даже не смотрю на экран, прежде чем принять вызов. Люди, у которых есть мой личный номер, не звонят просто поболтать. Особенно в тот час, когда я предпочитаю, чтобы весь мир отъебался от меня хотя бы на два часа.

— Босс, сорри, — голос Сэма звучит сухо, без дыхания, без мусора. — У нас груз Сахары на отправке. И тут явная лажа. Мы сами тормознули, но дальше без вас никак.

Мышцы отпускают стакан раньше, чем я это осознаю. Пальцы сжимают пальцы уже не лениво, а собранно.

— Что там?

— Сейчас покажу.

Экран вспыхивает, дёргается и выдаёт картинку, после которой остатки вечера можно сразу считать мёртвыми.

Контейнер.

Рефрижератор.

Переделанный грамотно, без дешёвой кустарщины: вентиляция, узкие лавки, шторы, крепления. Всё продумано так, чтобы живой товар доезжал без лишнего шума и без потери товарного вида.

Обычная партия Сахары.

Вернее, должна быть обычной.

Пять девочек сидят вдоль стены — тихие, притихшие, уже где-то наполовину отсутствующие. Та самая стадия, когда человека ещё не сломали окончательно, но он уже начинает экономить душу, чтобы не сдохнуть раньше времени.

Шестая лежит на полу.

Связанные руки.

Связанные ноги.

Рот заклеен так туго, будто тот, кто это сделал, боится не крика, а правды.

Она не бьётся в ломке. И не плавает в наркотическом тумане. Нет. В ней слишком много ярости для химии, слишком много точности для истерики. Она дёргается резко, зло, с какой-то отчаянной сосредоточенностью, будто внутри у неё остаётся одно-единственное решение: не дать себя утихомирить. Затылок с глухим стуком бьётся о рифлёный металл, каблук скрежещет по полу, плечи выгибаются в ненормальном усилии.

Так не корчатся.

Так сопротивляются.

— При приёмке она была в отрубке, — говорит Сэм. — Мы не въехали сразу. Думали, стандартно: накачали, чтобы не дёргалась. А сейчас сами видите. Босс, это ненормально.

Я смотрю молча.

Сахара — старая сволочь, но не идиот. На его маршрутах держатся деньги, люди и слишком много хрупкого равновесия, чтобы он путал груз с проблемой. Он может торговать чем угодно, если это покупают, но хаос это не то. Хаос не продаётся. Он только жрёт маржу.

А то, что я вижу на экране, — не груз.

Это дерьмо, которое кто-то подсовывает в цепочку, рассчитывая, что у меня не хватит времени присмотреться.

— Я еду, — говорю я. — Без меня не грузить. Контейнер не выпускать. Никого к нему не подпускать.

— Так точно.

Вот за это я и держу Сэма рядом уже столько лет. В критический момент хороший подчинённый не рассуждает. Он делает так, чтобы у тебя оставалась энергия на тех, кого придётся ломать лично.

Я ставлю стакан на стол. Янтарная жидкость дрожит в стекле, ловит мягкий свет и остаётся стоять — слишком дорогая для такого дерьмового финала вечера.

Когда я поднимаюсь, на меня, конечно, смотрят.

В «Ауруме» всегда смотрят. Здесь собираются те, кто привык считать друг друга раньше, чем официант успеет подлить в стакан. Несколько лиц мне знакомы давно. Несколько — выгодны. Несколько — опасны. Я киваю тем, кому следует кивнуть, и иду к выходу.

За дверью меня встречает холод с залива.

Нормальный, честный холод.

С привкусом воды, водорослей, железа и топлива.

Без дорогого парфюма. Без полутонов. Без иллюзий.

Машина ждёт на парковке — чёрный, тяжёлый «гелик», бронированный ровно настолько, чтобы позволить себе спокойствие, которого у обычных людей не бывает. Я сажусь за руль, захлопываю дверь, отрезаю себя от внешнего шума и на секунду задерживаю руки на коже руля.

Потом завожу мотор.

Глава 2

Дорога до порта занимает привычные полчаса.

Хватает, чтобы прокрутить варианты.

Сахара ошибается?

Нет. Не его уровень.

Подстава?

Уже ближе.

Кто-то решает протащить через мой терминал то, что не должен?

Похоже.

Или сам Сахара решает проверить границы моего терпения?

Если так — очень зря.

Прожекторы порта появляются впереди белыми разрезами в чёрном небе. Чем ближе я подъезжаю, тем чётче собираюсь внутри. Рабочий шум входит в голову, как команда: скрип кранов, гудки погрузчиков, рывканье по рации, ветер, гуляющий между контейнерными рядами, как по коридорам заброшенной крепости.

Это моя среда.

Не потому, что она мне нравится.

Потому что она давно отвечает мне взаимностью.

За шлагбаумом меня ждёт Сэм.

— Где?

— Четвёртая линия. R-147.

Я выхожу из машины, и бетон под подошвами сразу отзывается привычной тяжестью. Мы идём рядом. Без лишних слов. Ночью порт кажется городом, из которого выгнали всех нормальных людей, оставив только тех, кто умеет зарабатывать на темноте. Склады, ветки, контейнерные коридоры, натриевый свет, ветер с воды. Днём здесь царят бумаги. Ночью — договорённости, которые ни в какие бумаги не вносят.

Ещё издали я вижу охрану у контейнера. Не мою.

— Это люди Сахары, — говорит Сэм. — Как услышали о задержке, сразу подтянулись. Давят.

— Пусть попробуют сильнее.

Навстречу мне уже движется Толик Бык — сахаровский цепной пёс на стероидах. Габариты внушительные, шея почти отсутствует, глаза навывкате, самоуважение — ровно до первой по-настоящему жёсткой встречи. Увидев меня, он расправляет грудь так старательно, будто хочет компенсировать внутреннюю дрожь объёмом мышц.

— Ярый! Это что за херня? — орёт он ещё на подходе. — С тобой никогда такого не было! Ты чего добиваешься? Неустойку хочешь? Решил Пал Саныха кинуть?

Я не замедляю шаг.

— Рот закрой.

— Да ты понимаешь, что партия уже должна быть в море? Там дальше перегрузка, клиент ждёт! Меня самого потом...

Я останавливаюсь так резко, что он осекается на полуслове.

Поворачиваюсь к нему.

Смотрю.

Иногда человеку достаточно одного взгляда, чтобы вспомнить своё место в пищевой цепочке. Особенно если он и так его знает, просто на секунду заигрывается.

— Если не заткнёшься сейчас, — говорю я тихо, — я тебя не просто уроню. Я тебя закопаю так глубоко, что твой Пал Саных будет молиться не о тебе, а о себе. Усвоил?

Зрачки у него дёргаются. Страх берёт своё раньше гонору.

Он отступает.

Умница.

Когда мы подходим к контейнеру, возня внутри уже слышна даже сквозь металл: глухие удары, рваное мычание, скрежет.

Сэм срывает запор.

Створки распахиваются.

Изнутри пахнет густо, тяжело: человеческим потом, холодным железом, застоявшимся воздухом, химией, страхом. У каждого закрытого пространства, где долго держат людей против их воли, появляется свой запах. Его ни с чем не перепутаешь. Он всегда въедается в ноздри чуть глубже, чем хочется.

Свет прожектора врезается внутрь.

Пять девушек на лавке щурятся, прикрываются, отворачиваются — кто как может. Потёкшая тушь, голые колени, опущенные головы. Стандартный набор чужой поломанной воли.

И одна на полу.

Та самая.

Не успокаивается.

Не выдыхается.

Не смиряется.

Наоборот — при свете бьётся так, будто последний шанс вдруг оказывается совсем рядом и она решает вырвать его зубами, если придётся. Волосы растрёпываются, юбка задирается, на колене — грязь, на щеке — размазанная полоска пыли, губы под скотчем распухают и темнеют.

— Кто она? — спрашиваю я, не отрывая от неё глаз.

— Без понятия, — лениво отзывается рыжая с лавки, голос у неё уже не живой, а пережжённый. — Слышали только, что спецзаказ. Её отдельно везли. Чем-то накачали, чтобы не брыкалась. Но не сработало, видать.

Спецзаказ.

Слово ложится на язык мерзко.

Я поднимаюсь в контейнер и подхожу ближе.

Вблизи она выглядит не эффектной, а скорее настоящей. А это всегда опаснее. Тёмные волосы, пыльные от пола. Лицо без косметической брони. Блузка, пиджак, юбка-карандаш, она не шлюха, не приманка, не девочка под дорогой запрос. Скорее женщина, которую выдёргивают из нормального дня и швыряют туда, где нормальность заканчивается у двери.

В ней нет ничего правильного для этой партии.

Именно поэтому я сразу понимаю: она и есть главное.

Я беру её за плечи и рывком ставлю на ноги.

Под пальцами — дрожь.

Не та, что от слабости.

Та, что держится на одной злости.

Она поднимает на меня лицо.

И вот здесь я задерживаюсь дольше, чем следует.

Глаза.

Не пустые.

Не стеклянные.

Не мёртвые.

Зрачки расширены, дыхание сорвано, по коже ходит паника, но взгляд — цепкий, осмысленный, почти яростный. Она смотрит на меня не как на спасение. Спасение — сказка для слабых. Она смотрит так, как смотрят на последний не проверенный ещё выход.

Будто я могу оказаться дверью, а не стеной.

— Сейчас сниму скотч, — говорю я, удерживая её взгляд. — Закричишь — заклею обратно. Будешь вести себя тихо — поговорим. Поняла?

Она кивает сразу, часто, так жадно, будто согласие — валюта, которой у неё осталось совсем немного.

Я подцепляю край прозрачной ленты и дёргаю.

С её губ срывается короткий звук — острый, животный, мгновенно задавленный. Кожа на щеках вспыхивает. На разбитой губе выступает новая капля крови.

Она облизывает рот, вдыхает, пытаясь поймать воздух так, словно его до сих пор выдают порциями.

Я жду привычного.

Мольбы.

Крика.

Лжи.

Торга.

Вместо этого она смотрит на меня в упор и хрипло, срываясь, говорит:

— У меня дети. Завтра. Музей. Пожалуйста... они будут ждать.

На секунду я не понимаю.

Она сглатывает, ресницы дрожат, но голос — нет. Голос держится, как держатся люди, которым уже нечем закрываться, кроме сути.

— Я обещала им. Я классный руководитель. Меня зовут Кристина Валеева. Пожалуйста...

Не «отпустите».

Не «помогите».

Не «спасите меня».

Дети.

Музей.

Обещание.

Я смотрю на неё и с раздражающей, почти болезненной ясностью чувствую, как внутри что-то смещается на полтона. Этого мало для жалости и слишком много для привычного безразличия.

Вот что не так с первой секунды.

Она не принадлежит этому пространству даже в страхе.

Не умеет им пахнуть.

Не умеет в нём звучать.

Не умеет просить так, как просят здесь.

И всё же она стоит передо мной связанная, с кровью на губах и следами скотча на лице, и думает не о цене своей жизни, а о том, что завтра какие-то дети останутся без поездки, потому что их учительница исчезает по дороге в ад.

Мне это не нравится. Совсем.

Потому что я слишком давно отучил себя видеть в грузе человека.

А сейчас вижу.

Спецзаказ.

Училка накачанная дрянью и засунутая в мой контейнер.

Я медленно выпрямляюсь, не отпуская её плеча, и чувствую во рту знакомый металлический привкус. Такой вкус бывает у злости, когда она переходит ту стадию, где ещё можно ограничиться разговором.

Сахара.

Что же ты, сука, привёз на мою землю?

Визуалы

Ярослав Серов (Ярый) 39 лет

**Бывший офицер элитного спецподразделения, сейчас владелец 2х портов,
а также совладелец закрытого клуба «Аурум».**

*Кристина Валеева, 25 лет
Учительница начальных классов, сирота, случайно попавшая туда,
откуда выбраться слишком сложно*

Глава 3

— Так, сейчас слушай меня внимательно. Ты идёшь со мной. Без истерик. Без попыток сбежать. Просто идёшь, потому что я так сказал. Поняла?

Она смотрит на меня снизу вверх.

Во взгляде всё ещё плещется страх и отчаяние, но поверх него проступает другое: осторожность, расчёт, попытка понять, кто перед ней. Не придурки Сахары, уже хорошо. Может, именно это она и считывает. Может, просто слишком вымотана, чтобы бояться с прежней силой.

Кивает.

Я не отпускаю её плечо — держу ровно настолько крепко, чтобы она чувствовала: вырваться не получится. Другой рукой достаю телефон и набираю Вектора.

Он отвечает после первого гудка.

Конечно, отвечает, он всегда отвечает. Иногда мне кажется, он не спит вообще. Не живёт. Не ест. Просто существует где-то между серверами, архивами, чужими тайнами и закрытыми базами, в которые нормальному человеку даже смотреть нельзя. Если однажды выяснится, что Вектор — не человек, а очень дорогая разработка киберсистемы, я не удивлюсь.

Хотя... слабости у него всё же человеческие. Хмыкаю про себя, вспоминая как мы иногда зависали вместе в «Ауруме», отдыхать это вам не работать.

— Здорово, брат. Нужно пробить человека. Срочно. Поможешь?

— Насколько срочно?

— Девчонка, походу похищение или великая актёрская игра, нужно узнать правду, на кону моя репутация. Если сделаешь быстро — с меня причитается.

— Договорились. Фото кидай на защищённый канал, через пятнадцать минут пришлю то, что на поверхности. Если копать глубже, то быстро не получится. Согласен на такое?

— Согласен.

Сбрасываю вызов.

Останавливаюсь.

Она тоже замирает рядом — тонкая, дрожащая, всё ещё не до конца в себе. То ли мёрзнет, то ли её трясёт отходняк от той химии, которой её пичкали. Скорее всего и то и другое.

— Стой смирно, — приказываю я.

Она застывает мгновенно. Без споров. Без вопросов.

Либо привыкла быстро соображать, либо уже понимает: сейчас лучше слушаться. Я поднимаю телефон, навожу камеру. Она дёргается, совсем немного, на рефлекс, и я кладу ладонь ей на затылок — спокойно, твёрдо, фиксируя.

— Не дёргайся, сказал.

Щелчок.

Крупный план: лицо, глаза, скулы, разбитая губа, следы клея на коже. Отправляю снимок Вектору.

Потом достаю нож.

Складной.

Чёрное лезвие.

Привычный вес в ладони.

Она резко втягивает воздух и отшатывается настолько, насколько ей позволяет моя рука на её плече. В глазах вспыхивает чистый ужас — быстрый, острый, почти осязаемый. На секунду она действительно думает, что сейчас её будут добивать.

Я ничего не объясняю.

Просто переворачиваю нож и одним движением вспарываю скотч на её запястьях. Потом — на щиколотках.

Лента с шорохом расходится. Кожа под ней содрана до красного. В местах, где клей врезался особенно глубоко, выступает кровь.

Девушка тут же начинает растирать руки, морщится, но молчит.

Умная.

Очень умная девочка.

— Пошли, — говорю я и двигаюсь вперёд.

Мы выходим из контейнерного ряда в сторону зоны погрузки. Ночной порт живёт своей чёрной, рабочей жизнью: прожекторы режут тьму, гудит техника, где-то лязгает металл, ветер с воды таскает по бетону солёную сырость.

Позади раздаётся тяжёлый топот.

Бык.

Ну конечно. Куда же без него. Такие всегда возвращаются, когда им кажется, что можно ещё раз подать голос.

— Ярый! — орёт он, и этот визгливый надрыв режет слух хуже скрежета железа. — Так не пойдёт! Это товар Сахары! Контейнер уже ждут! Ты вообще что творишь?

Я даже не оборачиваюсь.

Продолжаю идти.

Девушка рядом сразу ускоряет шаг. Молодец. Опасность она чувствует правильно.

— Отправляйте недогруз, если хотите, — бросаю через плечо. — Не устраивает — сворачиваем сделку. Мне плевать.

— А девка? — срывается он почти на фальцет. — Она же спецзаказ! Пал Саныч...

Я останавливаюсь.

Медленно поворачиваюсь.

Она тоже замирает рядом со мной, и я почти физически чувствую, как её колотит — мелко, изнутри, на износ.

Смотрю на Быка.

Не повышая голоса.

Не делая шага вперёд.

Не трата силу на дешёвую демонстрацию.

Иногда человеку хватает одного спокойного взгляда, чтобы вспомнить, кто он такой и сколько весит на самом деле.

— А это, — говорю я, — теперь моя проблема. Не твоя. Не Пал Саныча. Моя. Исчезни.

Он открывает рот, потом ловит мой взгляд и тут же его закрывает.

Вот и хорошо.

В здоровых лбах всегда больше показной массы, чем настоящей воли. Одно дело — надуться перед девочками и шестёрками. Другое — стоять напротив человека, который давно разучился пугать словами и потому пугает молча.

Бык сглатывает, пятится, отступает.

Умница.

Разворачиваюсь и иду дальше.

Она — рядом. Молчит. Только дыхание у неё сбито, и шаги мои глухо бьют по бетону, как метроном, под который перестраивается вся эта ночь.

У линии погрузки нас встречает Сэм. Смотрит быстро, цепко, без лишних вопросов. Я едва заметно киваю. Он отвечает тем же: понял, босс, здесь дождь сам.

За это я и держу его при себе.

Если Сэм сказал, что разберётся, значит, контейнер уйдёт недогрузом, документы поправят, грузополучателю скормят удобную формулировку про форс-мажор, а все, кому надо мол-

чать, будут молчать. Сахара, конечно, взбесится. Но это уже следующий вопрос. И, возможно, очень короткий.

Мы подходим к моему зданию.

На территории порта его называют по-разному: штаб, стекляшка, крепость. Для меня это просто башня. Два этажа бетона, металла и бронированного стекла. Отдельный контур охраны, свои камеры, свои двери, свои замки. Первый этаж — переговорная, комната отдыха, кухня. Второй — мой кабинет.

Хотя кабинет — слово слишком приличное. Скорее логово. Место, где я провожу слишком много жизни. Открываю дверь, пропускаю её внутрь.

Глава 4

Она входит осторожно, почти бесшумно, как человек, который не уверен, что имеет право занимать здесь место. Оглядывается быстро, исподтишка.

Внутри у меня ничего лишнего: широкий стол, кресло, шкаф с бумагами, диван у стены, бар в углу. За панорамным окном — ночной порт, огни, краны, тёмная вода, рваные полосы света на мокром металле.

Красиво. Такая особенная романтика железных кранов, прожекторов и бликов воды.

— Садись, — киваю на диван.

Она садится сразу. Спина прямая. Руки на коленях. Почти примерная ученица на собеседовании, если не считать разбитой губы, следов скотча и того, что её только что сняли с пути в ад.

Пальцы дрожат.

Шок ещё при ней.

Наливаю себе виски. Ей не предлагаю. Ей сейчас нужен не алкоголь, а душ, еда, сон и несколько часов, в течение которых никто не будет трогать её руками.

Сажусь напротив, откидываюсь в кресле, делаю глоток.

— А теперь рассказывай. Кто ты. Откуда. Как попала к Сахаре. Всё. Подробно.

Она поднимает на меня глаза, делает глубокий вдох и начинает говорить.

Быстро. Сбивчиво. На остатках дыхания.

Кристина Валеева. Двадцать пять лет. Учительница начальных классов. Школа номер двадцать семь. Сирота. Живёт одна. После работы заходит в супермаркет. Потом парковка. Потом укол в шею. Потом темнота. Приходит в себя уже в контейнере — связанная, с заклеенным ртом. Кто, зачем, куда, почему — не знает.

Я слушаю. Вернее, сначала думаю, что слушаю, а потом ловлю себя на том, что половину её слов уже не разбираю, потому что смотрю.

На неё.

Тёмные волосы, сейчас они спутанные, в пыли, но видно, что в обычной жизни они мягкие, ухоженные. Тонкая шея. Хрупкие ключицы, проступающие над воротом блузки. Одна пуговица оторвана, видимо, от борьбы, и под ней видно светлую кожу и неровное, частое дыхание.

На запястьях — красные следы. Некрасивые, смятые, но даже они не делают её грубее. Но она всё равно остаётся какой-то до раздражения настоящей. Нежной. Чистой. Не сломанной.

И это бесит меня сильнее, чем должно.

Ей двадцать пять, но выглядит моложе. Не девочка — нет. Просто в ней нет той ранней усталости, которой обычно пропахивает от женщин моего мира. Ни тяжёлых, обволакивающих духов, ни вульгарной брони, ни заученного кокетства, ни пустоты во взгляде. Глаза большие, карие, влажные от слёз, но живые. Речь чистая, собранная, грамотная даже сейчас, ни единого жаргонного словечка, даже на нервах, даже в критической ситуации.

Настоящая учительница, чёрт побери.

Кристина что-то говорит про школу. Про свой класс. Про завтрашний музей. Про детей, которым обещала и которые будут ждать. Её губы двигаются, и на этом месте я теряю нить окончательно.

Губы.

Пухлые. Слишком аппетитно припухшие после скотча. С трещинкой в уголке, где запеклась кровь.

Я слишком давно не видел женской красоты без расчёта, без слоя глянца, без желания понравиться любой ценой. В моём мире женщины обычно делятся на две понятные категории:

те, с кем ведут дела, и те, кем пользуются без последствий. Эта — не укладывается ни туда, ни туда. Сбой в системе.

Опускаю взгляд ниже.

Грудь под тонкой тканью поднимается часто, быстро. Юбка-карандаш порвалась и не загораживает колени, ноги стройные, светлые. На одной ступне туфля на низком аккуратном каблучке, на другой — ничего. Босые пальцы поджаты, будто даже сейчас она пытается занимать меньше места в пространстве.

Я резко одёргиваю себя.

Какого чёрта. Ярый, соберись.

Ты не мальчишка, не голодный подросток, не идиот, который теряет голову от первой красивой женщины. Ты видел красивых женщин. Спал с красивыми женщинами. Покупал, отпускал, забывал.

Так почему именно эта сидит напротив и действует на нервы одним фактом своего существования?

— ...и я не знаю, зачем я им понадобилась, — заканчивает она и смотрит на меня.

Ждёт.

Я делаю глоток виски, выигрывая секунду. Последние пару минут выпали начисто.

— Давай ещё раз, — говорю спокойно. — Что именно ты помнишь перед тем, как отключилась?

Она хмурится, но повторяет без истерики. Молодец.

Супермаркет «Алые паруса». Парковка. Несла пакет с продуктами, кто-то подошёл сзади, укол в шею, провал.

Ни лиц. Ни голосов. Ни номера машины.

Ясно.

Работают не дилетанты.

Значит, брали именно её. Не абстрактную «свежую девочку», не случайную жертву под запрос, а конкретную Кристину Валееву. Это уже не грязный поток. Это целевой заказ.

Телефон вибрирует в руке. Вектор.

— Слушаю? — принимаю вызов.

— Кристина Валеева, двадцать пять лет, — начинает он своим сухим, служебным тоном. — Сирота. Родители погибли в ДТП, когда ей было десять. Детдом номер четыре. Педколледж с отличием. Учитель начальных классов, школа номер двадцать семь. Характеристики положительные. Приводов нет. Связей с криминалом нет. Соцсети скучные: дети, котики, подруги, школьные праздники. Ничего интересного.

Я смотрю на неё, пока он говорит. Она сидит напротив, обхватив себя руками, и явно понимает по моему лицу, что речь сейчас о ней.

— И ещё, — добавляет Вектор немного другим тоном, более приглушённо, чтобы инфазашла только в мои уши и ни в чьи больше.

— Говори.

— На неё висит закрытый лот в даркнете. Три дня. Анонимный заказчик. Параметры: брюнетка, двадцать — двадцать пять, без вредных привычек. Обязательное условие — невинность. Цена выше рынка втрое. Сахара забрал заказ вчера.

Я молчу. Потому что внутри уже не злость. Внутри тот холод, который приходит, когда ярость становится слишком разъедающей, чтобы быть шумной.

Невинность.

Школьную учительницу похищают, чтобы продать как эксклюзивный товар какому-то ублюдку с деньгами и отсутствием дна. Даже по меркам моего мира это перебор.

— Понял, — говорю я. — Спасибо за помощь.

— Ярый, — голос Вектора меняется едва заметно. — Если ты сейчас в это полезешь, будет конфликт с Сахарой. Он член Клуба. Ты помнишь правила.

Я усмехаюсь без улыбки.

— Был членом Клуба, — поправляю его. — Был. Он хотел меня подставить, может, не специально, скорее всего, надеялся, что прокатит, но... Сахару исключаем, я сообщу Коту, Скифу и Гризли. Думаю, никто против не будет.

Сбрасываю вызов.

Глава 5

Некоторое время просто сижу и смотрю на Кристину.

Она присела на краю дивана, дрожит, но держится. Ждёт, что я скажу. Ждёт приговора, правил, цены — чего угодно. Красивая. Измотанная. Нежная. И теперь я знаю ещё одну деталь, от которой внутри становится особенно мерзко.

Не из-за неё.

Из-за того, что мир в очередной раз доказывает: купить здесь хотят всё, включая то, что вообще не должно иметь цены.

Я поднимаюсь, иду к бару, наливаю ещё виски, выпиваю почти залпом. Обжигает горло, но не помогает.

Поворачиваюсь к ней.

— Значит так, Кристина Валеева. Учительница начальных классов. Двадцать пять лет. Сирота. Без вредных привычек. Всё верно?

Она вздрагивает и кивает.

Конечно, не ожидала. Большинство людей пугаются не силы. Силу они хотя бы видят. Их пугает скорость, с которой ты можешь разобрать их жизнь на факты.

— Ты вляпалась в очень большое дерьмо, Кристина, — говорю я. — И дело не только в Сахаре. Тот, кто тебя заказал, знал, кого берёт. Это не случайность. Не рынок. Не ошибка. Тебя выбрали целенаправленно. Понимаешь, что это значит?

Она медленно качает головой.

Губы дрожат, но глаза всё ещё держатся.

Хорошо.

— Это значит, что если я сейчас отпущу тебя домой, ты туда не дойдёшь. Тебя найдут. Люди Сахары. Люди заказчика. Неважно кто первый. Ты слишком много уже видела. Контейнер. Схему. Лица. Таких не отпускают.

Она молчит.

Смотрит мне в глаза внимательно, слишком внимательно для человека в её положении.

И вдруг спрашивает:

— А ты разве не такой же? Ты тоже из этого мира. Почему я должна тебе верить?

Я хмыкаю.

А она смелая.

Очень.

Сидит передо мной после всего, что с ней сделали, и не ноет, не торгуется, проверяет.

— Потому что, — говорю я медленно, — я не творю беспредел. И тех, кто на это способен, вычёркиваю из жизни. Совсем.

Она смотрит на меня долго.

И в какой-то момент я вижу, как внутри у неё щёлкает. Не доверие — до него ещё далеко, но решение пока не сопротивляться.

Тоже неплохо.

— Что теперь со мной будет? — спрашивает она тихо.

— Пока — останешься под моей защитой. До тех пор, пока я не закрою вопрос с Сахарой и твоим покупателем. Дальше посмотрим.

— Здесь? В порту?

— Нет. Здесь тебя найдут. Поедешь ко мне.

Она вскидывает глаза.

— В квартиру, — уточняю я. — Недалеко. Там безопасно. Там ты будешь сидеть тихо, не высовываться и делать ровно то, что я скажу. Поняла?

Она кивает.

Потом, почти сразу:

— А школа? А дети?

Я смотрю на неё несколько секунд и снова чувствую то самое неприятное внутреннее покалывание, которое началось ещё у контейнера.

Она только что узнала, что её продали как лот. Узнала, что за ней могут прийти снова. Узнала, что теперь полностью зависит от мужчины, которого видит первый вечер в жизни.

И всё равно спрашивает про детей.

Не про себя. Про детей.

— Я решу вопрос со школой, — говорю я. — Предупрежу, что ты заболела. На экскурсию найдут замену. Твои дети без присмотра не останутся.

— Правда? — выдыхает она.

— Я никогда не вру. Это непрактично.

Она выдыхает. Плечи опускаются. Впервые за вечер она позволяет себе расслабиться. Всего на пару секунд — но я вижу, как уходит напряжение.

И в этот момент я ловлю себя на мысли, что мне нравится на неё смотреть. Не как на проблему. Не как на свидетельницу. Не как на товар. А просто как на женщину. Красивую. Нежную. Смелую. Которая сидит в моём кабинете босая на одну ногу, с разбитыми губами и следами скотча на запястьях и лодыжках, и думает о чужих детях.

Чёрт.

Вот теперь у меня действительно проблема.

— Завтра привезу тебе одежду, — говорю я, отворачиваясь к окну. — И еду. А сейчас едем. Ты держись на адреналине. Как только он отпустит, тебя вырубит.

— Я не...

— Еле стоишь, — перебиваю я. — Просто пока сама этого не чувствуешь. Лучше отключиться в нормальной постели, чем здесь.

Она не спорит.

Медленно встаёт. Поправляет юбку. Замечает, что одна нога босая, и краснеет так быстро, будто это сейчас самое страшное, что с ней происходит.

Я открываю шкаф, достаю коробку с запасной обувью. Новые кроссовки, которые так и не дошли до улицы. Протягиваю ей.

— Держи. Размер не твой, но до машины хватит.

Она берёт осторожно, будто даже обувь от меня надо принимать с оглядкой. Обувается. Кроссовки на ней смотрятся почти комично — большие, чужие, нелепо белые на фоне её измотанного вида.

И почему-то это цепляет ещё сильнее.

Она поднимает на меня глаза.

— Спасибо за то, что вытащил меня оттуда.

— Не благодари раньше времени, — говорю я. — Ты всё ещё в дерьме. Просто теперь это дерьмо под моей охраной. Чувствуешь разницу?

Она смотрит прямо.

И неожиданно твёрдо отвечает:

— Чувствую. Это лучше, чем час назад.

Усмехаюсь беззвучно, одними губами.

Надо же. У неё ещё хватает сил на честность.

Я беру пиджак, накидываю ей на плечи и киваю на дверь.

— Пошли.

Выходим из башни в ночь. Ветер всё такой же холодный, упрямый, пахнет морем, металлом и топливом. Она идёт рядом, шлёпая по бетону ногами в моих кроссовках, и молчит. Я тоже молчу.

Но тишина уже не та, что была раньше.

Воздух между нами становится плотнее. Тяжелее. Как перед грозой, которая пока только собирается.

У машины я открываю пассажирскую дверь и помогаю ей сесть.

Она пристёгивается. Смотрит на меня через стекло.

Во взгляде всё тот же немой вопрос: кто ты такой? почему помогаешь? что возьмёшь за это?

Хорошие вопросы.

Жаль, у меня пока нет на них ответа даже для самого себя.

Я обхожу машину, сажусь за руль, заводжу мотор. Мы выезжаем с территории порта.

В зеркале остаются прожекторы, контейнерные ряды, силуэты кранов, крики чаек над тёмной водой.

Впереди — ночной город. Моя квартира, в которой я почти не бываю. И женщина на соседнем сиденье, которая ещё сама не понимает, что уже меняет правила игры.

Я тоже пока не понимаю их до конца, но чувствую. И мне это совсем не нравится.

Глава 6

Всю дорогу я молчу.

И не потому, что сказать нечего.

Наоборот.

В голове слишком много всего сразу: Сахара, заказчик, даркнет-лот, люди на парковке у супермаркета, камеры, маршрут, кто слил информацию, кто пас Кристину, кто за неё платит и зачем. План действий складывается быстро, слоями, как всегда. Проверить лот. Поднять запись с парковки. Найти того, кто вёл её от школы до магазина. Понять, почему именно она. Закрыть вопрос с Сахарой раньше, чем он решит качать права через Клуб.

Нормальный, рабочий план.

Чёткий. Жёсткий. Понятный.

И всё бы ничего, если бы он не спотыкался каждые несколько секунд об одну и ту же деталь.

Об училку в моих кроссовках.

Она сидит рядом тихо, почти неподвижно. Руки сложены на коленях. Плечи всё ещё напряжены. Иногда я краем глаза замечаю, как она смотрит в окно, будто пытается запомнить маршрут, а потом словно сама себя одёргивает — понимает, что в её положении это бессмысленно.

Правильно понимает.

Я везу её не просто в квартиру. Я везу её под свою крышу.

А это уже совсем другой уровень ответственности.

Машина плавно сворачивает с магистрали к жилому комплексу. Высокий периметр, камеры по контуру, въезд через шлагбаум и охранный пост. Здесь не продают квадратные метры. Здесь продают изоляцию. Тишину. Контроль. Возможность жить так, чтобы внешний мир оставался снаружи, каким бы ни был его напор.

Охрана узнаёт мою машину сразу. Шлагбаум поднимается без лишних слов.

Кристина замечает это.

Конечно замечает.

Я вижу, как она едва заметно поворачивает голову, разглядывая пост охраны, освещённые дорожки, аккуратные корпуса, внутренний двор, где даже ночью всё выглядит слишком правильно. Аптека, минимаркет, фитнес, кофейня, химчистка, частный медпункт, детская площадка, закрытый сад, паркинг — внутри этого комплекса можно жить неделями, почти не пересекаясь с городом.

В этом и смысл.

Здесь удобно прятать то, что тебе дорого. Или тех, кого не должен найти никто.

Я паркуюсь на подземном уровне, глушу двигатель.

Несколько секунд мы сидим молча.

Потом я выхожу, обхожу машину, открываю ей дверь. Она выбирается наружу осторожно, будто тело только сейчас начинает понимать, сколько всего на него сегодня свалилось. На ногах держится, но уже на пределе. Я был прав: адреналин сдаёт позиции.

Мы идём к лифту.

Мои шаги — ровные, размеренные. Её — шаркающие, шлёпающие, мои кроссы велики и идти бесшумно нет возможности.

Кристина старается не глазеть по сторонам открыто. Смотрит быстро, украдкой. На бетон парковки, на камеры под потолком, на блеск металлических дверей, на лифт с матовым зеркалом внутри. Осторожная. Собранная. До сих пор не задаёт лишних вопросов.

Это тоже цепляет.

В лифте тесно.

Не физически — пространства здесь хватает. Но её присутствие рядом делает воздух гуще. Я чувствую запах от её волос — пыль, страх и что-то едва уловимо тёплое, живое, совсем не из моего мира. Она стоит чуть в стороне, руки вдоль тела, взгляд опущен. Не дрожит уже так заметно, как раньше, но вся собрана внутрь, как натянутая струна.

Смотрю на цифры этажей. Только на них.

Потому что если поверну голову, увижу её слишком близко.

А мне и без того сейчас не до этих игр.

Двери открываются.

Коридор тихий, глухой, с дорогой отделкой и таким количеством приватности, что здесь даже эхо ведёт себя прилично. Я отпираю дверь, пропускаю её вперёд. Кристина переступает порог и замирает.

Квартира встречает нас тем, чем встречает всегда: пустотой.

Большое открытое пространство. Серо-графитовые стены. Бетон. Стекло. Чёрный металл. Минимум мебели, минимум цвета, минимум жизни. Гостиная и кухня объединены. Низкий диван, стол, несколько строгих светильников, встроенная техника, гладкие фасады без ручек, широкие окна в пол. Ни фотографий, ни книг на виду, ни случайных вещей, по которым можно понять, кто здесь живёт.

Лофт. Холодный. Чистый. Обезличенный.

Кристина стоит на входе и оглядывается молча.

Я знаю, что она видит.

Не квартиру — территорию. Не уют — систему.

Место, где всё подчинено функции и контролю. Здесь нет ничего лишнего. Только то, что нужно, чтобы жить между делами, заезжать на несколько часов, принимать душ, спать, переодеваться, снова уезжать. На кухне полный комплект техники. В ванной запас полотенец, бытовой химии и аптечки. В спальне — комплект белья, несколько новых футболок, домашние штаны, халат, пледы, запасные подушки. Всё есть.

И в то же время — почти ничего нет.

— Проходи, — говорю я.

Она делает несколько шагов внутрь. Осторожно, будто боится нарушить какой-то незримый порядок. Обводит взглядом кухню, диван, окно, коридор, ведущий вглубь квартиры.

— Здесь никто не живёт? — спрашивает она тихо.

— Я живу, — отвечаю. — Периодически.

Она кивает, как будто именно такого ответа и ждала.

Снимаю пиджак, бросаю на спинку стула, прохожу к кухне. Достаю из шкафа бутылку воды, ставлю перед ней на остров.

— Хочешь?

Она жадно хватается бутылку обеими руками и делает много больших, торопливых глотков.

Чёрт, хотела пить и даже не попросила.

Отвожу взгляд и заставляю себя перейти к делу.

— Слушай внимательно, Кристина, — говорю я. — Выходить отсюда нельзя. Вообще. Ни во двор, ни в магазин, ни просто подышать воздухом. Здесь закрытый комплекс, охрана на въезде и по территории, но это не значит, что можно расслабляться. Пока я не скажу, ты из квартиры не выходишь.

Она сразу напрягается, но не спорит.

— Если кто-то звонит в дверь, не открываешь, — продолжаю я. — Вообще никому. Даже если скажут, что доставка, управляющая компания, охрана, соседи, кто угодно. Курьер оставит пакеты у двери и уйдёт. Заберёшь только после того, как убедишься, что снаружи пусто.

— Поняла, — говорит она.

Голос тихий, но ровный.

Подхожу к встроенному шкафу в прихожей, открываю верхнюю секцию, достаю коробку. Внутри лежит простой кнопочный телефон — чистый, без привязок, без выхода в интернет, только звонки и сообщения на пару номеров.

Протягиваю ей.

— Держи. Это тебе.

Она берёт мобильник с осторожностью, как будто даже такая мелочь сейчас имеет вес.

— Здесь только звонки, — поясняю я. — Интернет отключён. В памяти есть мой номер. Если что-то нужно — звони. Но старайся не частить. Я завтра приеду, как смогу. Сейчас заеду в магазин и отправлю тебе продукты. Курьер оставит всё у двери. Заберёшь сама. Поняла?

Она кивает.

Снова это короткое, послушное движение головы.

Слишком доверчивое для её положения. И слишком спокойное для моего.

Я беру лист бумаги, быстро пишу свой основной номер от руки и кладу рядом, на случай если она вдруг не разберётся с телефоном сразу.

— В ванной чистые полотенца, — говорю. — В шкафу в спальне найдёшь футболки и домашние вещи. Новые. Не твой размер, конечно, но на первое время сойдёт. На кухне есть посуда, чайник, кофе. Если станет плохо — в аптечке таблетки. Если поднимется температура или начнётся рвота после той дряни, которой тебя накачали, звони сразу. Не жди.

Она слушает очень внимательно. Серьёзно. Как ребёнок, которому объясняют правила выживания в новом мире.

И мне это не нравится.

Потому что этот новый мир — мой.

А я не люблю видеть в своих стенах чужую уязвимость. Особенно такую.

— Спальня там, — показываю рукой в сторону коридора. — Душ тоже. Замок на двери хороший. Если тебе так спокойнее, можешь запереться изнутри.

Она вскидывает на меня взгляд.

Быстрый. Растерянный. Почти виноватый.

Будто я уже успел оскорбиться этим предположением.

— Я не... — начинает она.

— Мне всё равно, — обрезаю я. — Делай так, как тебе удобно.

Она медленно выдыхает.

И в этой мелочи — во всём её напряжении, в попытке не обидеть меня, не спровоцировать, не сказать лишнего — есть что-то такое, от чего внутри снова неприятно двигается тяжёлое, тёплое, совсем неуместное желание остаться.

Просто остаться.

Не уезжать сразу. Не возвращаться в ночь, в порт, в грязь, в разборы. Побывать с ней в одном пространстве ещё немного. Убедиться, что она поест, что дойдёт до души, что перестанет так настороженно смотреть по сторонам.

Опасная мысль.

Очень.

Я чувствую её слишком отчётливо и потому сразу давя.

Нельзя.

Она не женщина на ночь. Не случайная прихоть. Не трофей, который я привёз в свою берлогу.

Она человек, которого я выдернул из чужих лап. Моя ответственность. Моя проблема.

И если я сейчас позволю себе задержаться здесь дольше необходимого, это будет не про защиту.

Это будет уже про другое.

А вот этого мне точно не надо.

Кристина переминается с ноги на ногу. Маленькая, уставшая, растерянная на фоне этих голых стен. Слишком живая для этого пространства.

От неё хочется не уходить.

Именно поэтому я должен уйти.

Сразу.

— Всё, — говорю я резко, пока не передумал. — Я пошёл.

Она поднимает на меня глаза.

В них мелькает что-то похожее на испуг. Не паника — нет. Скорее внезапное понимание, что как только за мной закроется дверь, она останется здесь одна. В незнакомой квартире. В чужой одежде. После самой страшной ночи в её жизни.

Мне бы смягчить тон. Сказать что-то человеческое. Хотя бы банальное «не бойся».

Но это не мой язык.

— Я приеду завтра, — добавляю уже спокойнее. — Постарайся поспать. Душ прими. Поешь, когда привезут доставку. Телефон держи рядом.

Она кивает.

— Спасибо, — говорит совсем тихо.

Я смотрю на неё ещё секунду.

На тёмные волосы. На бледное лицо. На следы скотча на тонких запястьях.

И понимаю, что оставаться здесь ещё хоть минуту — плохая идея.

— Закрой за мной, — бросаю, разворачиваюсь и иду к двери.

Слышу за спиной её тихие шаги. Щелчок замка. Короткую паузу, в которой почему-то особенно остро чувствуется её присутствие сзади.

Потом дверь закрывается.

Я остаюсь в пустом коридоре один.

И вместо привычного облегчения чувствую глухое раздражение.

На Сахару. На заказчика. На весь этот день.

И на себя — больше всего.

Потому что мне хочется развернуться, снова открыть дверь и вернуться внутрь.

Просто чтобы убедиться, что она правда в безопасности. Что не дрожит. Что не сядет сейчас на пол посреди этой чужой квартиры и не сломается наконец тогда, когда никто не видит.

Я стою несколько секунд, сжав челюсть, потом заставляю себя уйти.

Лифт едет слишком медленно.

Подземный паркинг встречает меня холодом и тишиной. Я иду к машине, достаю телефон, по пути уже набирая Сэма. Потом Вектора. Потом ещё один номер. Ночь только начинается, и работы у меня хватит до утра.

Это правильно.

Работа — лучшее лекарство от лишних мыслей.

Только вот одна проблема: сколько бы задач я сейчас ни навесил себе на голову, где-то под ними всё равно будет сидеть одна и та же картинка.

Кристина посреди холодного лофта, куда я привёз её и оставил одну.

Глава 7

Кристина

Входная дверь закрывается тихо, и я стою в прихожей, уставившись на неё, будто сейчас она снова распахнётся и вернётся Ярый, скажет, что забыл телефон, или ещё что-нибудь. Но он не возвращается.

И до меня медленно доходит, что я остаюсь одна по-настоящему, в чужой квартире, после самой ужасной ночи в моей жизни.

Сначала я просто стою и не двигаюсь, потому что не понимаю, что делать дальше. А потом замечаю тишину.

Она здесь везде. В прихожей, в коридоре, в комнатах. Я слышу как гудит холодильник на кухне, какой-то далёкий шум в трубах, собственное прерывистое дыхание. И сердце, конечно же, оно сейчас вообще слишком громкое.

До этого меня всё время что-то держало: может он, или его голос, а ещё эта манера говорить так, что сразу делаешь, как сказано, и не задаёшь лишних вопросов. Тогда нужно было идти, садиться в машину, отвечать, пить воду, что-то делать, и я делала. Теперь уже ничего не нужно, меня оставили отдыхать в безопасном месте, которое для меня сейчас не кажется безопасным.

Колени подкашиваются внезапно, как только мозг понимает, что «держаться» уже больше не надо. Я не успеваю ни за что схватиться, сползаю вниз по стене и больно ударяюсь бедром о край тумбы. Сажусь прямо на пол, вынимаю стопы из его кроссовок и смотрю на разорванные колготы из под которых виден мой аккуратный педикюр.

Пытаюсь вдохнуть, но воздух словно не доходит до моих лёгких. Я понимаю, что это глупость, здесь есть чем дышать, но я не могу. Делаю ещё вдох, потом ещё, быстро, рвано, и от этого становится только хуже. Руки начинают дрожать. Сначала пальцы, потом ладони, потом всё тело. Нет. Только не сейчас.

Я не знаю, говорю это вслух или нет, но изо рта вырывается какой-то сдавленный звук, и в следующую секунду меня уже трясёт крупной хаотичной дрожью.

Обхватываю себя руками и начинаю плакать. Не красиво и тихо, как показывают в фильмах, а просто реву в голос и захлёбываюсь слезами. Горло сводит, нос забивается, я не успеваю вытирать лицо, только жмурюсь и пытаюсь отдышаться, но ничего не выходит. Напряжение внутри требует выхода.

Сегодня утром у меня был обычный день. Самый обычный.

Я проснулась по будильнику, поставила чайник, написала в родительский чат напоминание про экскурсию. Пока собиралась, думала, что надо купить молоко и корм для кота, потому что Инна обещала зайти завтра, если я задержусь после школы. У меня были уроки, дети, тетради, планы на выходные. Ничего особенного. Нормальная жизнь.

А сейчас я сижу на полу в квартире незнакомого мужчины, которого боюсь, и понятия не имею, что будет дальше. Даже выйти отсюда нельзя.

Снова мутит, зажимаю рот ладонью, закрываю глаза — и сразу вижу тот самый контейнер. Тёмный металл. Скользящий пол. Чьи-то шаги. Скотч на руках. То ощущение, когда ты уже всё поняла, но сделать ничего не можешь.

Я сгибаюсь пополам и тихо вою в ладонь.

Не знаю, сколько времени проходит. В какой-то момент первая волна отпускает. Не потому что мне лучше, просто невозможно бесконечно лить слёзы с такой силой.

Я сижу, прислонившись затылком к стене, и смотрю куда-то перед собой. Потом заставляю себя медленно встать. Ноги ватные, в коленях слабость. Я медленно иду вглубь квартиры, оглядываюсь, хотя до этого почти ничего не замечала.

Здесь просторно, идеально чисто, даже слишком, если честно. Серо-графитовые стены, стекло, бетон, чёрный металл, ровные поверхности, на которых ничего нет. Ни случайной кружки, ни книги на столе, ни брошенной куртки, ни дурацкой безделушки. Всё убрано так, будто здесь не живут, а просто иногда ночуют между какими-то своими делами. От этой мысли мне становится ещё холоднее.

На кухонном острове стоит вода, которую он оставил. Я делаю несколько глотков прямо из бутылки. Холодная. Это немного помогает. Совсем чуть-чуть, но всё же. Рядом бумажка с номером и кнопочный телефон.

Я смотрю на него и думаю, что нормальная жизнь, кажется, закончилась окончательно. У нормальных людей дома не лежат отдельные чистые телефоны для таких случаев. А у него лежит. И он даже не объясняет, откуда и зачем. Просто даёт — и всё.

Заставляю себя пойти в ванную, включаю свет, поднимаю голову и на секунду правда не узнаю себя. Лицо бледное, как у покойника. Под глазами чёрные круги от растёкшейся туши, волосы спутались, торчат в разные стороны, губа разбита и опухла, на щеках потёки от слёз и грязи. А на шее, вишенкой на торте, красное пятно, наверное, это и есть то место, куда мне сделали укол.

Потом замечаю свои запястья. Подношу руки ближе к глазам и жалобно скулю. Красные полосы, содранная кожа, мелкие корочки крови там, где скотч врезался особенно сильно. Я осторожно касаюсь кожи пальцем и тут же убираю руку.

Больно.

Не сильно, но этого хватает, чтобы все воспоминания вернулись разом. Темнота. Чужие руки. Металл. Голоса людей, которых я не видела, только слышала. И самое мерзкое — то чувство, словно ты уже не человек, а вещь, которую нужно просто доставить заказчику.

И ведь меня не перепутали, как я поняла из того что слышала, меня не схватили случайно, всё было подстроено специально.

Хватаюсь за край раковины и стою так, уставившись в зеркало, пока сердце не перестаёт биться где-то в горле. Включаю душ. Горячая вода сначала обжигает кожу. Я вздрагиваю, когда струи попадают на запястья и плечи, но всё равно сжимаю крепче зубы и терплю. Стою под скатывающейся по мне водой с закрытыми глазами и дышу глубоко, чтобы почувствовать лёгкие и больше не задыхаться от паники.

Потом я начинаю тереть себя мочалкой с невероятным усердием, кожа горит, краснеет, но разве мылом можно стереть всё, что было. Порт. Пыль. Чужие прикосновения. Саму эту ночь.

Нет.

Снаружи то я становлюсь чище, кожа скрипит, от меня пахнет мылом, но внутри... Внутри я всё та же, ощущение липкое, мерзкое, чужое.

В ванной я стою долго. Настолько долго, что шум воды начинает уводить в состояние транса и заглушать собственные мысли. Это, наверное, единственное, что мне сейчас действительно нужно.

Когда выключаю воду, в ванной сразу становится прохладно.

Закутываюсь в полотенце, иду к шкафу и действительно нахожу там одежду. Как он и сказал, там лежат несколько футболок, домашние штаны, халат. Я беру большую чёрную футболку. Она мягкая, чистая, пахнет стиральным порошком.

Натягиваю её через голову. Футболка доходит почти до середины бедра. Я смотрю на себя в зеркало и почему-то чувствую неловкость. Это словно возвращение в прошлое, в то время когда я жила в детском доме: нет ни своей одежды, ни особого права капризничать.

Иду босиком по холодному полу, стараюсь ступать бесшумно, хотя головой понимаю, что меня и так никто не услышит, зачем-то держу полотенце в руках и думаю, что надо просто лечь, просто провалиться в сон. В этот момент звонят в дверь.

Сердце замирает, потом с огромной скоростью ухает вниз, и откуда-то из желудка начинает стучать быстро-быстро.

Снова звонок. Короткий, настойчивый.

И сразу всплывают его слова: никому не открывай. Даже если доставка. Даже если охрана. Даже если кто угодно.

Хватаюсь за спинку стула и стою, не дыша. За дверью сначала тихо, потом какой-то шорох, будто что-то ставят на пол. После — шаги. Я всё равно не двигаюсь ещё долго. Потом всё-таки подхожу к двери, на цыпочках, смотрю в глазок.

Никого.

На полу стоят пакеты.

Я быстро открываю дверь, затаскиваю их внутрь и сразу запираю обратно. Потом ещё раз проверяю замок. И ещё. Только после этого могу отойти.

Дотаскиваю сумки до кухни и начинаю разбирать. Там целая куча всякой всячины: вода, йогурты, фрукты, хлеб, сыр, контейнеры с готовой едой, овощи, чай, кофе, мёд. Я перебираю всё это и чувствую благодарность. Простую, человеческую, он правда об этом подумал. Не на словах — по-настоящему.

В следующем пакете ведро мороженого. Застываю от неожиданности. Большое, шоколадное, с орешками и мягкой карамелью, и в добавок коробка эклеров. Боже, ты правда существуешь? Это твоя маленькая компенсация за то, что со мной твориться?

Я быстро убираю в холодильник всё остальное и оставляю на столе только эти сокровища. Нахожу ложку, сажусь за стол и открываю пластиковое ведёрко. Первая ложка холодная до ломоты в зубах. Но я всё равно ем.

Потом ещё. И ещё. Тянусь к эклеру, крем вылезает сбоку, пачкает пальцы. Я машинально облизываю их и вдруг понимаю, что меня немного отпускает. Совсем немного, но всё же. Перестаёт так сильно трясти.

И тут до меня доходит, насколько я голодная и насколько устала.

Я ем слишком быстро, потом сама себя останавливаю, потому что желудок начинает скручивать спазмами. Пью воду маленькими глотками. Сажусь и смотрю в окно, где отражаюсь сама — бледная, с мокрыми волосами, в чужой футболке.

Меня чуть не увезли чёрт знает куда, а легче мне стало от шоколадного мороженого и эклеров. Мысленно ещё раз благодарю этого мужчину.

Я его боюсь, и это никуда не делось. Что бы он ни сделал этой ночью, каким бы спокойным ни был, это всё равно человек, рядом с которым хочется быть очень осторожной.

Но он меня не тронул. Даже не посмотрел так, как мог бы посмотреть другой на его месте.

Меня передёргивает от одной этой мысли. Я ведь вообще не знаю, какие правила у таких как он, и есть ли они вообще.

По сути, он спокойно мог бы остаться здесь, просто не уезжать. Закрыть дверь, и всё. Я бы ничего не смогла с этим сделать. Но он уехал.

Убираю мороженое в морозилку, эклеры ставлю в холодильник, вытираю столешницу салфеткой, хотя там почти чисто. Просто руки надо чем-то занять. Мою ложку в раковине. Проверяю замок ещё раз, на всякий случай, чтобы точно быть уверенной. Беру кнопочный телефон и иду в спальню.

Комната такая же, как вся квартира: большая кровать, тёмное бельё, приглушённый свет, ничего лишнего. А мне сейчас вообще по барабану красивая она или нет. Мне нужно только лечь.

Выключаю свет и забираюсь под одеяло.

Тело тяжёлое, глаза словно в них песка насыпали, я устала так, что должна отключиться как только коснусь головой подушки, но стоит закрыть глаза, как внутри снова страх. Вздра-

гиваю от каждого звука: от гула трубы, от шума подъезжающей машины за окном. Мне отсюда даже лифт на площадке слышно.

Господи.

Телефон лежит рядом с подушкой. Глупость, конечно, но без него почему-то страшнее. А так есть хотя бы ощущение, что если что-то случится, я смогу позвонить. Позвоню, и он придет. Не знаю, почему вообще в это верю. Может, потому что больше верить особо не во что.

Переворачиваюсь на бок, натягиваю одеяло почти до подбородка. Лежу в темноте, не двигаясь, и слышу у себя в голове.

«Эту не трогать. За неё отдельно заплатили».

Похоже сна у меня сегодня не будет...

Глава 8

Ярослав

Из лифта выхожу уже на ходу набирая Костю с поста.

— Слушай сюда внимательно, — говорю без всяких приветствий. — Девчонка остаётся у меня. Дверь под контроль. Если попробует свалить — сразу звонишь мне. Сразу, Кость, это не фигура речи. С территории её не выпускать.

— Понял.

— Без самостоятельности. Руки не распускать, не пугать, в разговоры не лезть. Просто чтобы была внутри, пока я не приеду.

— Сделаем.

— И по камерам поглядывай. Если начнёт носиться по этажу, ломиться не туда или истерить — тоже набираешь.

— Принял.

Сбрасываю вызов и убираю телефон в карман.

За охрану я спокоен. Эта услуга оплачена не за красивые глаза. Пост работает чётко, камеры висят где надо, въезд и выход с закрытой территории под контролем. Люди на смене не мальчики с улицы, а те, кто понимает, где заканчивается вежливость и начинается работа. Если девчонка сдуру решит рвануть, далеко не уйдёт. А если и дойдёт до ворот, оттуда её уже никто не выпустит без моей команды.

С Кристиной пока всё закрыто.

И это сейчас главное. Не потому что мне больше заняться нечем, а потому что после такой ночи от неё можно ждать чего угодно. Сидит тихо — хорошо. Начнёт ломиться наружу — будет хуже всем. Ей в первую очередь. За пределами моей территории она сейчас лёгкая добыча, а второй раз вытаскивать её из чужих рук я не собираюсь.

Теперь надо решать вопрос с Сахарой.

Телефон вибрирует почти сразу, смотрю на экран.

Сахара.

Усмехаюсь без радости (лёгко на помине) и принимаю вызов.

— Говори.

— Ярый, ты кажется берега попутал. Я в твои дела не лезу, — голос у него недовольный, но пока ещё ровный. — Как у тебя что происходит и через кого, меня не интересует. Но и ты в мои дела нос не суй. Ты хоть понимаешь, какой заказ сорвал? Люди серьёзные. Залог перечислен. Так, как ты сделал, дела не делаются.

Молчу пару секунд.

Не потому что думаю. Просто даю этому барыге выговориться и самому же поглубже влезть в свою наглость. У него всегда так. Сначала заходит с претензии, будто он тут правила устанавливает, потом щупает, можно ли продавить, а уже потом вспоминает, с кем именно разговаривает.

— Ты закончил? — спрашиваю наконец.

— А тебе смешно, что ли?

— Нет, не смешно. Теперь слушай ты. Из списка людей, с которыми я работаю, ты вычеркнут. Из членов клуба «Аурум» тоже. И советую уже сейчас искать себе другого логиста. Мои порты твои контейнеры больше не грузят.

На том конце повисает пауза.

Я даже представляю его рожу в этот момент. Недоверие, злость и судорожный пересчёт в голове, сколько он сейчас теряет. Не только по деньгам. По маршрутам, по людям, по воз-

можностям. Такие, как Сахара, сильны не сами по себе. Они сильны, пока вокруг есть те, кто тащит за них грязную работу и держит им коридор.

— Погоди, Ярый. Ты, наверное, что-то путаешь. Ты сейчас не с моим Быком разговариваешь, поэтому брось вот это всё. Взрослые дела по-взрослому решать надо.

Останавливаюсь у машины, открываю дверь, но садиться не спешу.

— Сахара, я никогда ничего не путаю. А вот ты, видимо, решил моих спецов запутать, накачав девчонку снотворным. Ты подставил меня. Специально или не нарочно — мне похуй. Ты посчитал, что я глупее тебя. Что ж, твоё право. Только я с тобой больше не работаю.

— Ярослав, погоди...

И вот тут голос у старого сутенёра уже заметно меняется. Борзота из него выходит быстро. Почуял, шакал, что продавить меня не получится, и сразу даёт заднюю.

— Ярослав, давай нормально поговорим, встретимся, обсудим...

— На хуй иди со своим «обсудим», — перебиваю спокойно. — Я тебе не тёлочка, чтобы меня окучивать. Просрал доверие — живи дальше. Но уже без меня. Усек?

Он замолкает.

Слишком надолго для человека, который пару минут назад качал права. Значит, считает. Ищет, где можно ещё пролезть. Как зайти с другой стороны.

— Сколько ты хочешь? Я могу заплатить, компенсировать, Ярослав?

Усмехаюсь.

Вот теперь всё встаёт на свои места. Не поговорить он хочет. Не прояснить. Купить обратно удобный маршрут, привычную крышу и мои руки, которые до этого решали ему половину проблем. Для таких, как он, всё на свете вопрос цены. Даже там, где давно уже не про деньги.

— Тебе по буквам повторить? Всё. Отбой.

Отключаюсь и тут же блокирую номер.

На этом разговор закончен.

И не только разговор.

Сахара сам себя вычёркивает. Из работы. Из «Аурума». Из круга, где с ним ещё готовы иметь дело. Старый козёл слишком долго думает, что ему всё сходит с рук. Что можно крутить людьми, как товаром, и никто не встанет поперёк. Ошибается. Рано или поздно такие всегда зарываются.

Сажусь в машину, захлопываю дверь и несколько секунд просто смотрю перед собой.

Теперь порт.

Вот там нужно думать хорошо. Сахара из тех мразей, которые в лицо улыбаются, а потом от обиды устраивают подлянку. Не потому что смелые. Потому что гнилые. А такие как раз опаснее — у них фантазии больше, чем у нормальных людей. Они не идут в лоб, если можно исподтишка. Не воюют открыто, если можно нагадить через третьи руки.

Значит, периметр надо усилить.

Нужно проверить охрану на складах. Поднять людей на ночные смены. Отдельно дать команду, чтобы внимательнее смотрели всё, что идёт через мои площадки. Любая левая коробка, любой новый водитель, любая внезапная заминка на погрузке — сразу наверх. И по сменам тоже пройтись. Если кто-то из новых появился недавно и не внушает доверия, пусть пока постоит в стороне. Мне сюрпризы не нужны.

И со стволами вопрос надо порешать.

Тут лучше через Кота. Он подсобит без шума и без лишних разговоров. Я не люблю дёргаться раньше времени, но и ждать, пока старый сутенёр начнёт чудить, тоже не собираюсь. Лучше пусть лежит и не понадобится, чем потом бегать, когда уже поздно.

Потом надо будет заехать к Гризли. Пусть поднимет на Сахару всё, что можно. Старые долги, тёмные сделки, косяки по людям, по деньгам, по клубам — неважно. Если этот старый

сыч ещё раз попробует быковать, у меня должен быть не только ответ, но и поводок покороче. Такие не понимают по-хорошему, пока им не покажешь, где именно их можно переломить.

Завожу двигатель и выезжаю с парковки.

Ночь уже давит в виски. Усталость наваливается медленно, но плотно. Сутки выходят дерьмовые, и это ещё мягко сказано. В голове шумит не от злости даже, а от перегруза. Слишком много всего за один день. Слишком быстро. И каждый вопрос надо не просто закрыть, а закрыть так, чтобы потом не возвращаться.

Машина мягко катится по пустой дороге, фонари тянутся мимо ровной жёлтой полосой. Город в такое время выглядит почти прилично. Тихий, собранный, будто вся грязь, которая в нём творится, сейчас тоже спит. Только я слишком давно здесь живу, чтобы вестись на эту картинку.

До дома добираюсь без проблем. В коттеджном посёлке, где я купил себе дом с участком, хотя бы можно выдохнуть. Закрытая территория, свои люди, тишина. Отоспаться, привести голову в порядок и с утра пройтись по всему спокойно, по порядку. Кот. Гризли. Охрана. Порт. А потом уже всё остальное.

С Кристиной до утра ничего не случится.

А вот у Сахары, похоже, начинаются плохие времен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.